

Евробезопасность, интеграция и «мягкая сила» миграции в XXI в.

П.И. Касаткин, И.М. Хрусталева, В.А. Аватков

В статье рассматривается комплекс проблем, связанных с евробезопасностью в контексте увеличения миграционных потоков и развития интеграционных процессов в Европе. Исследуется расширение форм взаимодействия властей с различными организациями мигрантов, дается историческая ретроспектива их контактов. Особый акцент авторы делают на миграционных последствиях в области безопасности и политики стран Европы, на «мягкой силе» миграции в свете интеграции.

Процесс глобализации, который А. Турен называет «самой яркой чертой современности»¹, характеризуется резким усилением и диверсификацией миграционных потоков. Одним из центров притяжения иммигрантов после Второй мировой войны является Западная Европа. В силу колониального прошлого, географической близости, потребности в дешевой рабочей силе страны региона становятся главным пунктом миграционного притяжения по вектору Юг–Север. В силу старения европейского населения и сокращения его численности иммиграция является необходимым ресурсом экономического развития, с одной стороны, а с другой – порождает комплекс культурных, политических и социо-экономических проблем, которые рассматриваются значительной частью общественного мнения и правящей элитой принимающих стран как угроза социальной стабильности и национальной идентичности. Западные европейские государства, с точки зрения иммигрантов, являются крайне привлекательными в силу высокого

уровня социально-экономического развития и качества жизни.

Особое место в западном дискурсе отводится мусульманским диаспорам, количественное изменение которых идет по восходящей линии. Это позволяет связывать данный факт с «глобальным контрнаступлением» ислама, прежде всего – в качестве экономического лобби и идеологической доктрины. Кроме того, количественный рост диаспор сопровождается не только их демографическим укреплением, активизацией политического участия, но и усилением их экономической роли. В этой связи сегодня вопрос интеграции мусульман в западноевропейское общество превратился в один из приоритетных в политической повестке дня ключевых стран ЕС.

Неудачи сложившейся ассимиляционной стратегии в отношении иммигрантов и отсутствие эффективной политики интеграции инкультурных групп при дальнейшем неизбежном количественном росте иммиграции представляет серьезный вызов для государств-наций ЕС. Как

Касаткин Петр Игоревич – к.полит.н., начальник отдела докторантуры и аспирантуры, старший преподаватель кафедры мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России. E-mail: kasatkin@mgimo.ru

Хрусталева Иван Маркович – к.э.н., Институт социально-политических исследований РАН. E-mail: ivan268@yandex.ru

Аватков Владимир Алексеевич – преподаватель военной кафедры и кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО(У) МИД России. E-mail: VladimirAvatkov@rambler.ru

Статья выполнена в рамках реализации научно-исследовательского проекта по гранту Российского гуманитарного научного фонда 12-03-00649 «Теория и практика межкультурного взаимодействия в контексте европейской безопасности».

■ Политология

показывают сегодняшние реальные итоги внедрения мультикультурных практик, попытки консолидировать европейские общества с помощью мультикультурализма часто оборачиваются усилением их фрагментации, не давая значимого позитивного эффекта.

В данном случае принципиально важным является пример Турции, которая уделяет особое внимание поддержанию связей со своими соотечественниками. Выходцы из Турецкой Республики, проживающие в ФРГ, являются своего рода рычагом внешней политики страны. Правительство Турции всячески пытается задействовать своих соотечественников при лоббировании национальных политических и экономических интересов в ФРГ. В данном случае политический интерес Турции – это полноправное членство в ЕС, против которого выступает Германия в лице правящего Христианско-демократического союза (ХДС) А. Меркель. Цель Турции заключается в продвижении своих интересов через немецких политиков турецкого происхождения, количество которых ежегодно возрастает. Показательным является пример Джема Оздемира, лидера политического движения «Зеленые/Союз 90», который является сторонником политики мультикультурализма при усилении роли турецкой диаспоры. Оздемир выступает за полноправное членство Турции в ЕС.

Успехи Турции в продвижении своих интересов через турецкую диаспору подтверждают результаты недавних выборов, состоявшихся 13 мая 2012 г. в федеральной земле Северный Рейн – Вестфалия. Победу на них одержала Социал-демократическая партия Германии (СДПГ). Необходимо отметить, что в этой федеральной земле количество турок составляет более 1 млн человек, и практически все они отдали свои голоса СДПГ, так как эта партия является сторонницей политики мультикультурализма в Германии, выступает за интеграцию турок в немецкое общество, а также поддерживает вступление Турции в ЕС. Получается, что турецкая мусульманская община выступает за мультикультурализм по-турецки, который подразумевает сплочение всех европейских народов при усилении турецкой диаспоры как лобби, «мягкой силы» внешней политики Турции.

Вышеописанные обстоятельства обуславливают актуальность и значимость данного исследования. Его результаты призваны способствовать выявлению тенденций и особенностей мусульманской иммиграции в Западную Европу, оценить последствия миграции мусульманских иммигрантов для европейских стран и предложить пути решения существующих проблем. Отчасти результаты исследования могут быть весьма полезными для Российской Федерации, в которой концептуальные основы миграционной политики продолжают формироваться, а внимания к «внешней» мусульманской миграции как важному миграционному потоку уделяется мало.

Стоит признать, что экономическая функция диаспоры как лобби в настоящее время приобретает все большее значение. Эта закономерность объясняется целым рядом причин:

– во-первых, представители диаспоры могут располагать специфическими трудовыми навыками, которыми не обладает или обладает, но в соизмеримо меньшей степени население принимающей страны. Эти навыки и род экономической деятельности могут быть связаны с конкретными этнокультурными особенностями, носителями которых являются члены диаспоры. Дело в том, что этносы связаны с характерными для них хозяйственно-культурными типами, которые формируются под действием географо-климатических и социальных условий и отражаются в трудовых навыках, следовательно, и в социально-экономической роли диаспор. В условиях взаимосвязанного и параллельного развития межэтнической интеграции и интеграции экономической традиционные навыки и продукты производства значительно реже воспринимаются как имеющие этническую маркировку. Но даже в эпоху глобализации существуют многочисленные рестораны национальных кухонь, сувенирные и антикварные магазины, что вносит в совокупности значительный вклад в производство и сферу обслуживания;

– во-вторых, диаспоры в силу целого ряда причин могут владеть непропорционально большой долей денежного капитала и собственностью других видов. Это дает возможность дальнейшей концентрации собственности и ведет к усилению позиций диаспор в различных отраслях экономики, вплоть до их полной монополизации. Так, в странах Юго-Восточной Азии сферу торговли в основном контролируют китайские, индийские, арабские диаспоры. В странах Черной Африки со Средних веков значима роль индийских, а еще более – арабских, в частности ливанских, торговых меньшинств. Нельзя не отметить и усиление турецкого исламского капитала в странах Европы и Ближнего Востока, что влечет за собой и укрепление политического фактора присутствия страны на мировой арене;

– в-третьих, социально-демографическая структура диаспор может становиться предпосылкой к лидерству в экономике. Как правило, в потоке мигрантов преобладают мужчины трудоспособного возраста, с уровнем образования и профессиональной подготовки выше среднего. Они экономически более активны в сравнении со средними характеристиками исходной общности. Можно предположить, что экономическая роль диаспоры может превышать средний показатель в окружающем социуме, что проявляется, в частности, в уровне жизни, который значительно выше, чем на исторической родине, и превосходит уровень окружающих;

– в-четвертых, корпоративность диаспор может перерастать в преимущества в экономической деятельности. В то время как большая часть членов принимающего общества социально «атомизирована», представители диаспоры используют преимущество корпоративности, характерной в первую очередь для мусульманских групп на протяжении истории. Корпоративность может быть внутренней и внешней. Внутренняя корпоративность про-

является во взаимопомощи, включая трудоустройство, льготные финансовые ссуды, предпочтения при деловых контактах. С развитием международной интеграции все большее значение приобретает внешняя корпоративность. Диаспора может быть связана со множеством разного рода общностей: государством – местом исхода, материнским этносом, другими диаспорами той же этнической или конфессиональной принадлежности. Часто диаспоры имеют контакты с другими диаспорами, обладающими с ними общими признаками, либо с иными общностями, так или иначе связанными с ними культурно и исторически (в конце XX в., например, у русской диаспоры Ирана были тесные связи с армянской общиной; калмыки США сближались с русской и японской диаспорами; белорусы Аргентины ориентировались на Россию и т.д.).

Наряду с экономической функцией одной из наиболее распространенных является так называемая «сохраняющая»², включающая следующие компоненты:

– *сохранение родного языка*. Родной язык является одним из способов ретрансляции национальной культуры, его утрата оказывает прямое негативное воздействие на такие ее ценности в духовной сфере, как обычаи, традиции, самосознание. Его постепенное исчезновение свидетельствует о развитии ассимиляционных процессов, которые могут форсироваться близостью культурной дистанции между титульным и диаспоральным этносами, а в итоге привести к распаду диаспоры;

– *сохранение этнической культуры*. Этническая культура отчетливо проявляется в литературе, искусстве, этнической символике, традициях, некоторых формах материальной культуры (особенно в питании, одежде) и фольклоре. В результате влияния культуры иноэтнического окружения этническая культура диаспоры постепенно размывается (при отсутствии сплочения диаспоры в изолированных анклавах, как это происходит, например, в Германии), что особенно характерно для урбанизированной среды с ее стандартизованными эталонами в материальной и духовной сферах. Как итог – потеря связи с материнским этносом и утрата преемственности культурных традиций. Важным фактором сохранения национальной культуры является приток новых мигрантов с исторической родины;

– *сохранение этнического самосознания*. Внешнее проявление этнического самосознания осуществляется в форме самоназвания или этнонима. Его внутреннее содержание чаще всего составляют: противопоставление «мы – они»; представление общности происхождения и исторических судеб; связь с «родной землей» и «родным языком»³. По мнению О.И. Шкаратана, смена этнического самосознания является показателем завершения ассимиляции национальной диаспоры⁴.

Важнейшей функцией диаспор выступает защита социальных прав представителей данного этноса, усилия по преодолению различных проявлений шовинизма, антисемитизма, помощь в адаптации вновь прибывшим соотечественникам.

Наиболее распространенными формами политической деятельности диаспор являются:

- электоральные и иные политические акции;
- лоббирование интересов страны исхода в принимающей стране;
- оказание влияния на страну исхода путем поддержки правительства или оппозиции;
- финансовая и другого рода поддержка политических партий, движений и неправительственных организаций страны исхода;
- содействие разрешению конфликтов в стране исхода либо их разжигание.

Самой важной следует указать все-таки упомянутую выше культурно-просветительскую функцию. Ведь именно в сфере культуры, трактуемой в самом широком смысле слова, и сосредоточены все основные отличительные особенности народов.

У этносов, оказавшихся в иноэтническом окружении, отсутствуют такие объективные факторы, как территория, политико-юридические институты, а также устойчивый хозяйственный уклад. В этих случаях особая роль принадлежит субъективно-психологическим компонентам, таким, как система ценностей, включающая сильное групповое национальное или этническое самосознание, сохраняющееся долгое время, мифологизация потерянной родины, религиозные убеждения, особенности фольклора и язык. Очевидно, что феномен диаспоры в первую очередь основывается на культурной самобытности, а ее отрыв от родины увеличивает стремление к сохранению, а в дальнейшем – и пропаганде своей культуры и языка.

На начальном этапе формирования и развития диаспоральных общин мусульманские объединения носили локальный характер и ориентировались прежде всего на социальную поддержку единоверцев. Но с течением времени сфера их влияния смещалась в область политики. Сегодня диаспоры – динамичные участники современного политического процесса как на государственном, так и на международном уровне, что предельно актуализирует проблему исследования механизмов взаимодействия: а) диаспора – принимающее общество; б) диаспора – историческая родина; в) транснациональные связи с непосредственным участием диаспоральных общностей.

Отметим, что именно факт принадлежности к исламу стал важным, но не определяющим аспектом для участия в мусульманских объединениях. Ислам рассматривался скорее как элемент внутренней интегрированности общины в диаспоре, сплачивающий ее членов и обеспечивающий сохранение и воспроизводство традиционных ценностей соответствующего этноса в условиях инокультурного окружения. В силу различий между отдельными течениями ислама и этническими группами он не смог занять место консолидирующего фактора, несмотря на осознание острой необходимости в примирении позиций и формировании единой структуры, которая бы отражала интересы абсолютного большинства мусульман. При этом исламские фонды и тарикаты (секты) активно воздействуют на экономическую жизнь

диаспор, сплачивая их за счет формирования экономических пирамид взаимопомощи.

В Великобритании вплоть до второй половины 1960-х гг. большую часть мусульманской общины составляли индо-пакистанцы – сунниты. Среди них выделялись два движения: Джамаат-и-Таблиг и Джамаат-и-Ислами. Под влиянием последнего в 1962 г. была создана Исламская миссия Соединенного Королевства, специализирующаяся на пропагандистской и издательской деятельности. С ростом арабской, персидской и турецкой иммиграций число мусульманских организаций росло: Мусульманское студенческое общество, Федерация студенческих исламских обществ, Организация молодых мусульман Соединенного Королевства – вот лишь несколько примеров. Цели этих организаций сводились к помощи в адаптации мусульманской молодежи в Великобритании при условии сохранения и развития ими исламских традиций. Сильное влияние, которое оказывали на эти объединения такие организации, как «Братья-мусульмане», а после 1979 г. – шиитский Иран, способствовало их развитию, с одной стороны, а с другой – крепко связывало британскую мусульманскую общину с решением международных проблем и формировало мусульманское лобби в стране.

Первые попытки усилить позиции мусульманской общины за счет объединения организаций были предприняты еще в конце 1960 – начале 1970-х гг. В 1969 г. был создан Мусульманский образовательный фонд, в деятельности которого приняли участие все влиятельные организации мусульман того времени. Он носил социальную функцию и специализировался на издательской деятельности и поддержке исламского образования в Европе. В свою очередь, в 1970–1971 гг. при поддержке саудовских фондов были образованы Союз мусульманских организаций Соединенного Королевства и Европы и Джамиат Улема Великобритании. Эти объединения стали первыми попытками систематизации и консолидации целей организации вне зависимости от этнической принадлежности членов. Союз мусульманских организаций Соединенного Королевства и Европы объединял суннитов, а Джамиат Улема Великобритании – шиитов. Поводами для дальнейшей консолидации общины и ее активизации на политической арене стали вопрос о мясе халяль 1983 г., «дело Ханифорда» 1985 г. и «дело Рушди» 1988 г.

Первое касалось права мусульман на содержание собственных скотоводов для поставки в лавки и магазины мяса животных, забытых ритуальным способом, что встретило резкую критику со стороны Совета по защите прав сельскохозяйственных животных и активистов по борьбе за права животных. Но при поддержке Комиссии по расовому равенству и муниципалитетов Бредфорда, Бирмингема, Лондона и Глазго вопрос был решен в пользу мусульманской общины. Единство позиции всех мусульман способствовало сближению их позиций и по остальным вопросам.

«Дело Ханифорда», директора одной из школ Бредфорда, выступившего против ношения девочками мусульманских головных уборов, также можно признать своеобразной победой мусульманской общины. Недовольство мусульман и политического руководства страны вызвала его жесткая риторика и использование таких терминов, как «менталитет парды». В 1985 г. Рэй Ханифорд был отправлен в отставку⁵.

В 1988 г. огромную волну возмущения среди мусульманского населения вызвала публикация «Сатанинских стихов» британского писателя пакистанского происхождения Салмана Рушди. В книге содержалась сатира на пророка Мухаммеда, Коран и аятоллу Хомейни. Мусульманские организации выступили за ее запрет на территории Соединенного Королевства⁶. Британское общество разделилось на тех, кто критиковал С. Рушди и его книгу, и тех, кто выступали против ее запрета, ссылаясь на свободу слова и самовыражения⁷. «Дело Рушди» стало толчком к объединению мусульман для активного участия в политической жизни Британии. Причем эта инициатива встретила поддержку правительства, поскольку в тот период в стране не было эффективной площадки для дискуссии между ним и мусульманской общиной. В итоге в сентябре 1988 г. была создана Комиссия Соединенного Королевства по исламским делам.

С целью закрепления достигнутых позиций диаспоры в июле 1989 г. формируется Исламская партия Британии. Представители этой партии были намерены получить депутатские мандаты на предстоящих парламентских выборах и «дать мусульманам право голоса в вопросах, связанных с будущим британского общества»⁸. Они намеревались добиться от властей наделения исламской религии теми же правами и привилегиями, которыми пользуется англиканская церковь. Программа партии также содержала качественную платформу по вопросам сельского хозяйства, образования, окружающей среды, здравоохранения, законотворчества, транспорта и коммуникаций. В этой связи необходимо отметить, что чаще всего мусульманские диаспоры завуалированно продвигают свои ценности и идеологические установки, умело прикрываясь экономическими и правовыми факторами.

Однако, как показал дальнейший ход истории, каких-либо значительных успехов Исламской партии Британии добиться не удалось, поскольку она слабо учитывала существующие между властями противоречия и ориентировалась на светскую модель. Кроме того, в этот период консерваторы и лейбористы испытывали потребность в расширении электората, в том числе за счет мусульманского меньшинства. Наконец, Исламская партия Британии едва ли способна привлечь на свою сторону немусульманских избирателей.

По сходным причинам потерпел поражение и Мусульманский парламент, созданный в 1992 г. директором Мусульманского института в Лондоне доктором Калимом Сиддики. Он выступал за предоставление мусульманам статуса «автономного

сообщества» в Великобритании и выстраивание «особых отношений с Исламской Республикой Иран»⁹. Создание самостоятельных органов власти позволит мусульманской общине, по мнению Сиддики, не только выжить, но и преобразовать политическую систему Великобритании в соответствии с законами шариата¹⁰. Но радикальность идей и малочисленность шиитской общины не позволили Мусульманскому парламенту вести сколько-нибудь эффективную политическую борьбу за реализацию своих целей.

Тем более что в 1980-х гг. консерваторы, лейбористы и либеральные демократы начали активную борьбу за голоса мусульманских избирателей. Компактное расселение мусульман позволяло им существенно влиять на результаты выборов в отдельных избирательных округах, таких, как Спаркбрук, Смолхит, Лейдивуд (Бирмингем), Бредфорд Норс (Бредфорд), Миннингем (Бредфорд) и др. Повышение роли мусульманского электората четко прослеживалось на муниципальных и парламентских выборах 1983 и 1987 гг.

Политические пристрастия мусульманских избирателей в этот период оставались весьма традиционными. Из двух основных партий – лейбористской и консервативной – наибольшее количество голосов набирала первая. Это было обусловлено толерантным отношением лейбористов к выходцам из стран третьего мира и, напротив, проведенным консервативным правительством М. Тэтчер ужесточением иммиграционной политики.

Политика основных политических партий в отношении мусульман в 1990-х гг. носит многосторонний характер. С одной стороны, они пытались акцентировать внимание на проблемах, важных в том числе и для мусульманской общины. С другой стороны, руководство партий опасалось усиления влияния мусульман на принятие партийных решений. Подобная тенденция стала просматриваться после неоднократного отказа принять в члены лейбористской партии отдельных мусульман («дело Джеральда Кауфмана»). Опасения были связаны с тем, что массовое вступление мусульман, зачастую целыми семьями, позволяло им лоббировать выдвижение своих кандидатов и сильно походило на результат подкупа или заговора, а не свободного выбора.

Важным шагом на пути усиления электоральных позиций мусульман стало объединение в 1997 г. более 350 их организаций, движений и фондов в Совет мусульман Великобритании (СМВ). Основными направлениями деятельности данного объединения стали координация работы мусульманских организаций страны, поддержка единомышленников, пропаганда ислама и поддержка связей со странами происхождения.

Одним из важнейших проектов британских властей стал опрос мусульман для выявления проблем общин. Впервые при поддержке СМВ в него был включен вопрос о принадлежности к различным направлениям ислама. Его результа-

ты показали, что всех иммигрантов-мусульман объединяют следующие проблемы:

- ликвидация чрезмерной жесткости иммиграционной политики и разрешение вопроса о предоставлении двойного гражданства иммигрантам;
- решение ряда социально-экономических вопросов (безработица, преступности, несовершенства системы образования);
- укрепление связей между иммигрантскими общинами и странами их происхождения;
- участие Великобритании в решении международных проблем, связанных со странами происхождения иммигрантов (кашмирская проблема, арабо-израильский конфликт, иракская проблема и т.д.).

Совет мусульман Великобритании также тесно сотрудничает с правительством страны и проводит постоянные консультации по проблемам мусульман с членами кабинета министров и представителями оппозиции. Для правительства Великобритании Совет важен как лояльный государству орган, выражающий интересы большинства мусульман. Он также играет огромную роль в противодействии росту исламофобии и экстремизма в обществе.

Тем не менее в Соединенном Королевстве есть ряд радикальных мусульманских организаций, тесно связанных со странами Ближнего и Среднего Востока как идеологически, так и в финансовом отношении. Они не стремятся к сглаживанию культурных и религиозных противоречий в британском обществе, а нацелены на установление халифата, прообразом которого является идеализируемое государство времен пророка Мухаммеда и «праведных» халифов, правивших в Медине. К их числу можно отнести Хизб ут-Тахрир («Партия освобождения»), Аль-Мухаджирун и Ассоциация братьев-мусульман Великобритании. Они различаются между собой по методам деятельности и социальной базе:

- представители Хизб ут-Тахрир полагают, что основным методом достижения провозглашаемых целей является непрерывная интеллектуальная и социальная деятельность, направленная на стимулирование дебатов на общественном и политическом уровне. Любые формы насилия или вооруженного сопротивления рассматриваются партией как нарушение законов шариата, в силу чего они строго запрещены¹¹;

– руководитель Аль-Мухаджирун Омар Бакри, ранее входивший в группировку Хизб, напротив, категорически отрицает идеи интеграции, политического диалога и оказывает поддержку исламским экстремистам в Великобритании и за ее пределами¹²;

- Ассоциация братьев-мусульман Великобритании также выступает за политические методы борьбы и активно задействует палестинцев, ливийцев, сомалийцев, иракцев, египтян и других. «Братья-мусульмане» постепенно укрепили свои позиции в Совете мусульман Великобритании и действуют в альянсе с политическими левыми, например с лидером парламентской фракции «Respect» Дж. Галовеем. Они также сотрудничают

■ Политология

с Департаментом теологии и религиозных связей Уэльса, что дало ей возможность получить некоторое влияние в системе образования.

Таким образом, мусульманские организации Великобритании, даже если и нацелены на коренное преобразование общества, пользуются легальными, политическими формами борьбы. Их идеологическая платформа также сильно изменилась под влиянием британского общества. Мусульманские организации стали носить массовый и относительно более умеренный характер, что повысило их способность лоббировать свои интересы. В итоге социально-политического развития мусульманской общины в последние десятилетия представительство мусульман в органах власти постоянно растет, а их сообщество крепнет политически. В палате лордов в настоящее время заседают четверо мусульман. Мусульмане занимают 13 мест в палате общин. Среди 25 000 муниципальных советников Великобритании насчитывается 217 мусульман¹³.

Представляется целесообразным выделить три формы политического влияния мусульман:

– во-первых, отдельные представители мусульманской общины начинают принимать непосредственное участие в политической жизни европейских стран;

– во-вторых, получает распространение не связанный непосредственно с проблемой миграции так называемый «политический ислам»¹⁴ – движение, по мнению известного французского исследователя Оливера Роя, представляющего собой прямого наследника леворадикальных течений 1960-х гг. с идеей революции «бедного Юга» против «богатого Севера»¹⁵;

– в-третьих, проблема ислама в тесном переплетении с проблемами иммиграции и натурализации коренным образом трансформирует политический спектр западных стран, создает новые политические идентичности.

В Великобритании мусульманская религия занимает значительное место в общественной жизни. Традиционные мусульманские общины в стране во многом воспроизводят те социально-религиозные черты, от которых Европа всеми силами пытается освободиться – неприятие либерализированной сексуальной морали, религиозный фундаментализм, антииндивидуализм и другие. Как следствие, в столкновении с западным обществом кристаллизуется идентичность ислама как основного оппонента европейской «современности» и «постсовременности». Примирение сложившихся религиозных и культурных противоречий требует активного диалога с обеих сторон и приводит к усилению политической роли мусульман на различных уровнях.

В стране насчитывается около сотни течений и направлений исламского толка, но в качестве господствующих можно выделить следующие три:

а) движение «Брелви» (или «Барелви»), представленное индо-пакистанскими мусульманами – суннитами;

б) «Деобанди», поддерживаемое фундаменталистским движением Джамаат-и-Таблиг;

в) И наиболее радикальное среди них Джамаат-и Ислами (Исламское общество), основанное еще в Пакистане Абу Ала Маудуди (1903-1979 гг.). Представители этого движения исповедуют идею «мусульманской нации (уммы)», подчеркивая, что «ислам враждебен любому виду национализма». В качестве политической формы объединения Маудуди предлагал исламское государство, в котором «верность Аллаху и его Пророку требует от гражданина... верности и подчинения по отношению к тем, кто призван поддерживать усуль-амр («исламский порядок» – на языке урду)»¹⁶.

Не стоит также недооценивать влияние в Великобритании суфийских тарикатов (сект), в частности «Хакканийя», новой ветви братства «Накшбанди». В Лондоне, Бирмингеме и Шеффилде «Хакканийя» контролирует многие мечети и мусульманские организации, фонды и объединения. Исламоведами Бирмингема, достаточно внимательно изучивших деятельность «Хакканийя» в Британии и Ливане, отмечается заметная степень влияния этого братства в Дагестане и на всей постсоветской территории. Как предполагают сотрудники Центра изучения ислама и христианско-мусульманских отношений, речь может идти о «широкой сети» ячеек данного суфийского братства на Кавказе.

В этой связи интересно, что Турция в негласном партнерстве с тарикатами строит школы и университеты, которые уже не раз закрывались в России и других странах, часто – в связи с обвинениями в пропаганде экстремизма. На самом же деле эти учебные организации – «мягкая сила» внешней политики Турции, попытка привлечь на свою сторону сильные кадры и воздействовать на формирование лоббистских групп как в государственных органах, так и в крупных частных компаниях европейских стран. Важным фактором на пути к этим целям является и управляемая глобализация учебного процесса внутри страны – теперь лекции практически во всех университетах Турции читаются на английском языке, что позволяет привлекать большее количество иностранных студентов, которые по окончании обучения либо остаются в стране, либо отправляются домой и формируют там протурецкое лобби.

Активно формируется идеалистический имидж Турции, прежде всего – в арабском и турецком «мирах», которые часто ошибочно видят в ней позитивный пример, определенную прогрессивную модель развития. Особенно актуально это в контексте «арабской весны» и постепенного вывода американских войск из Ирака и Афганистана. Целый ряд политиков в Тунисе и Египте уже заявили, что планирует следовать «турецкой модели». Многие политологи сразу сделали ошибочные выводы, что вышеперечисленные страны пойдут по пути сохранения принципа западного вектора, светского режима, при том, что большинство населения исповедует ислам. Однако в реальности текущая «турецкая модель» идеологии подразумевает умеренно-исламское правительство, поддерживаемое партией большинства в парламенте и

проводящее политическую линию на постепенное ограничение секуляризации и института армии, являвшейся гарантом выбранного прозападного вектора.

Мусульмане в Великобритании в целом весьма хорошо организованы. Они не только объединяются вокруг ближайшей мечети и ее имама, но в той или иной мере участвуют в различных общественных организациях (Исламском культурном центре, ассоциации «Мусульманская помощь» в Лондоне, объединении «Исламская поддержка» в Бирмингеме и др.). Подобные общественные объединения контролируют собственные мечети, занимаются вопросами культуры, образования, социального обеспечения верующих, соблюдением ими обычаев и предписаний ислама в быту (в частности, пищевых ограничений), пропагандой и распространением ислама.

Кроме просветительской и гуманитарной деятельности, мусульмане в Великобритании оказывают непосредственное влияние и на внутриполитическую ситуацию. Уже в 1970 г. в Лондоне при поддержке саудовских фондов был создан по сути политический «Союз мусульманских организаций Соединенного Королевства и Европы», координирующий деятельность большинства исламских объединений Великобритании. В 1979 г. в Лондоне был создан такого же рода «Союз исламской прессы», а над упоминавшимся ранее Исламским культурным центром установлен патронаж Всемирной исламской лиги с центром в Саудовской Аравии. Организация «Исламская благотворительность», первоначально созданная с исключительно гуманитарными целями, была замечена в финансировании мусульманских организаций, обвиненных в связях с террористами.

В июле 1989 г. с целью получения депутатских мандатов на парламентских выборах ими была создана Исламская партия Британии (ИПБ), однако, как показал дальнейший ход событий, каких-либо значительных успехов ей добиться не удалось. Представляется, что без радикального изменения системы парламентских выборов в Англии и замены мажоритарного принципа пропорциональным мусульмане не имеют реальных шансов на широкое представительство в парламенте. Ни в одном из избирательных округов они не образуют большинства, кроме того, их симпатии делятся почти пополам между консерваторами и лейбористами, что дополнительно ослабляет их позиции. В то же время можно констатировать, что Исламская партия Британии вряд ли способна привлечь на свою сторону немусульманских избирателей.

Вынесенный аятоллой Хомейни смертный приговор Салману Рушди всколыхнуло мусульман Британии и способствовало их политизации. Это обстоятельство попытался использовать директор Мусульманского института в Лондоне доктор Калим Сиддики. Он провозгласил создание «Мусульманского парламента» из 150 членов, спикера, четырех его заместителей (включая двух женщин) и «лидера палаты» – самого себя. На будущее планировалось также создание второй палаты

из «примерно 1000 известных мужчин и женщин, доказавших свои способности». Однако так называемый «Мусульманский парламент» стал всего лишь еще одной из многочисленных организаций мусульман в Англии.

Сиддики также призывал британских мусульман к неуплате налогов, гражданскому неповиновению, неподчинению «несправедливым» законам и даже осуждению западной демократии как «диктатуры большинства», нагнетал и драматизировал ультрарадикальные настроения своих единоверцев, считая необходимым, «если надо», добровольно идти в тюрьму ради защиты ислама. Однако сколько-нибудь заметного общественного отклика эти призывы не имели.

Зато внешние события вызывали возмущения мусульман Великобритании незамедлительно. Так было в связи с событиями в Боснии и Косово, с разрушением в Индии в декабре 1992 г. исторической мечети XVI в., с бомбардировками Ирака авиацией США в 1993 и 1998 гг., с терактами 11 сентября 2001 г. в США, с вторжением США и их союзников в Ирак. Любое подобное событие активизировало действия существующих мусульманских организаций, стимулировало возникновение новых организаций, занимающихся ведением кампаний протеста в средствах массовой информации, пикетированием, созывом мусульман на митинги и шествия.

В Лондоне в августе 1996 г. был созван 3-й ежегодный конгресс панмусульманской партии исламского освобождения (Хизб ат-тахрир аль-исламия), в котором участвовали свыше тысячи делегатов из самых разных стран мира. Эта партия известна как одна из наиболее влиятельных, непримиримых и воинственных международных исламских организаций. Она беспрепятственно подчиняла себе все прочие исламские структуры, проводя сбор средств и даже смещая недостаточно лояльных ей «умеренных» имамов мечетей. Базируясь в Лондоне, партия широко развернула подрывную деятельность в мусульманских странах и внутри мусульманских диаспор в Европе, особенно в Бельгии, Германии и Голландии. Она выступает за «возврат к исламскому законодательству путем восстановления халифата», одновременно считая все правительства в мире ислама, несогласные с этой идеей, «предательскими и незаконными».

Именно в Лондоне недавно возникла компания по реализации финансовых операций в Интернете строго в соответствии с принципами шариата. Возглавили ее богословы из Пакистана, Саудовской Аравии, Сирии и Малайзии. Тем самым появился дополнительный фактор тяготения к Великобритании многочисленных исламских банков с общим капиталом в 150 млрд долл., который ежегодно возрастает на 25%. А это, естественно, увеличивает возможности воздействия Великобритании на 1,2 млрд мусульман, проживающих на планете.

Выделяются и сугубо внутристрановые причины для проявления мусульманами недовольства своим положением. При всей осторожности

■ Политология

и сбалансированности поведения британского правительства в отношении мусульман, при всем его стремлении отстраниться от специфических мусульманских проблем, сделать это в полной мере не удастся. Имеют место случаи дискриминации мусульман. Так, вскоре после событий 1990–1991 гг. в зоне Персидского залива одна британская компания в Шеффилде при наборе персонала объявила, что мусульман принимать на работу не будет. Начатый против этой компании судебный процесс по обвинению ее в нарушении закона 1968 г. о «равенстве рас» ни к чему не привел, поскольку мусульмане не являются особой расой.

Другой пример — с так называемой «добровольной помощью» школам разных конфессиональных общин. В Соединенном Королевстве около пяти тысяч подобных школ, расходы которых на 85% покрываются за счет государства. Среди них 2140 школ контролируются англиканской церковью, 2430 — католической, 31 — методистской церковью и 22 — общиной иудаистов. При этом ни одна из мусульманских школ правительственных субсидий не получила, хотя некоторые из них (около 25) ведут борьбу за это многие годы, а начальная школа «Исламия» в Лондоне, получив в 1992 г. отказ британского правительства, даже подала на него жалобу в Верховный Суд, но безрезультатно.

Несмотря на то что общее право Соединенного Королевства применимо ко всем жителям страны, некоторые мусульманские группы постоянно обращаются с просьбой введения и признания хотя бы некоторых положений о личном статусе в законе шариата, с тем чтобы их можно было применять к мусульманам. Хотя британские власти отклонили эту просьбу, было найдено компромиссное решение, которое позволяет и даже поощряет практику разрешения судебных споров посредством обращения тяжущихся сторон (мусульман) в мусульманский суд, принимающий во внимание положения шариата, до той степени, пока они не противоречат закону.

Франция завершила свое существование в качестве центра колониальной империи, простиравшейся далеко в глубь мусульманской Африки и имевшей огромное влияние в Леванте, серией кровавых конфликтов, среди которых была Алжирская война (1954–1962 гг.), которая оставила глубокий след в памяти как французов, так и мусульман.

Управление и администрирование во Франции жестко централизованы. Как наследие революции 1789 г. свято сохраняется идеал гражданского общества, в котором все граждане равны между собой в правах и обязанностях общественной жизни, а также равны перед законом без учета их происхождения или личных воззрений. Общественная жизнь протекает под светским знаменем, в то время как религия считается личным делом каждого, находящимся вне сферы общественной жизни. Согласно нормам конституционного права, общественная жизнь должна быть защищена от влияния религиозных организаций любого типа, включая церковь и секты. Несмотря на это, начиная с конца 70-х гг. XX в. было создано несколько

достаточно крупных арабских мусульманских организаций.

В 1984 г. в столице Франции было основано общество «Жить по-исламски на Западе», а уже на следующий год группа новообращенных французов-мусульман сформировала одно из крупнейших мусульманских объединений в стране — Национальную федерацию мусульман Франции (НФМФ), которую возглавил коренной француз, обращенный в ислам, Даниэль Юсуф — Леклерк.

Одновременно в эти годы французское государство предпринимало активные попытки (в частности, по линии министерства внутренних дел) наладить диалог с многочисленной мусульманской общиной. Однако эти попытки не имели особого успеха не только в силу этнической, культурной и идеологической разнородности последней, но и в силу отсутствия у нее даже подобия единой структуры. Ни одна из мусульманских организаций страны не имела и до сих пор не имеет возможности говорить от имени всей общины (уммы), а значит, и служить посредником между ней и государством. Между тем главной задачей государственной политики Франции в отношении «внутреннего» ислама является его интеграция в общественную и культурную жизнь страны на условиях, не противоречащих устоям республиканского строя.

В октябре 1999 г. министр внутренних дел Жан-Пьер Шевенман предложил различным исламским ассоциациям подписать документ, формулирующий основные юридические принципы построения отношений между государством и исламом, которые были бы применимы к организации культа мусульман. На самом деле такой документ — Хартия мусульманского вероисповедания во Франции — уже был подготовлен в середине 1990-х гг. и обсуждался представителями мусульманской общины с правительством Франции, но тогда не был принят. Однако затем почти все представители исламских организаций Франции его подписали 28 января 2000 г.

Только 20 декабря 2002 г. на конференции в Париже было объявлено о создании объединенной организации мусульман Франции под названием «Французский Совет по мусульманской религии» (ФСМР). Бывший президент страны Николя Саркози назвал это событие исторической вехой для французской уммы. В правление новой организации вошли руководители трех ведущих мусульманских структур страны — Союза исламских организаций, Национальной федерации мусульман Франции и мечети Парижа. Председателем был избран имам парижской мечети Далил Бубакер, алжирец по происхождению. Из 1100 мечетей, действующих во Франции, 1000 представлены в ФСМР. Основная задача новой организации — представлять мусульман Франции и защищать их интересы в государственных органах¹⁸.

Пять из семи мусульманских организаций, которые по приглашению правительства участвуют в деятельности Совета, спонсируются арабскими странами. Еще одна организация финансируется

Турцией, другая – организацией «Братья-мусульмане». Профессор Сорбонны богослов Каба Сори считает политику Совета ошибочной, поскольку правительство упрочило положение в Совете иностранных мусульман вместо того, чтобы открыть, например, во Франции факультет исламской теологии для своих мусульман. По мнению профессора, так может возникнуть новая концепция ислама, которая будет ориентироваться на демократические ценности и традиции Французской Республики – свободу, равноправие и братство¹⁹.

Показательно в этой связи, что только 9% из тысячи действующих в стране имамов – французские граждане, остальные – граждане Алжира, Марокко и Турции. Самые большие и дорогие мечети во Франции финансируются, как правило, арабскими государствами, как, например, мечеть в Лионе, строительство которой обошлось в пять миллионов долларов. И, напротив, самые скромные мечети, уютные во дворах и переулках, принадлежат местным мусульманским общинам.

Опасения о влиятельности исламистов в новом представительном органе мусульман Франции оказались ненапрасными. На выборах в Совет по мусульманской религии, которые прошли в апреле 2003 г., победу одержали представители радикально настроенных кругов. После этого последовало «своевременное» заявление Н. Саркози: «Исламские законы неприменимы повсюду, ибо они не являются законами Французской Республики, поэтому те проповедники, чьи взгляды окажутся противоречащими ценностям республики, будут депортированы»²⁰. Однако в делах бывший президент был не столь категоричен. Он знал, что первое место по количеству голосов в Мусульманском Совете заняло объединение мусульман марокканского происхождения, исповедующего умеренные взгляды на ислам, в связи с чем констатировал: «Я вовсе не имею ничего против этой организации»²¹.

На этот раз раскол в среде мусульман Франции и их отношении к новой организации определяют скорее не этническим происхождением, а политическими взглядами и отчасти принадлежностью к тем или иным течениям в исламе. Уже сегодня можно с уверенностью сказать, что абсолютного единства в мусульманской среде во Франции с помощью создания новой организации достичь не удастся. Новый Совет будет представлять далеко не все политические мусульманские движения Франции, не все течения в исламе. Настораживает и тот факт, что французское правительство идет на контакт с наиболее консервативно настроенной частью мусульман-иммигрантов и в то же время игнорирует мусульман, уже сумевших каким-либо образом адаптироваться во Франции и принять ее политическую культуру.

Знакомство Германии с исламом происходило через сотрудничество с Османской империей, ее союзником в Первой мировой войне. Республиканская Турция сохранила связи с Германией. После Второй мировой войны большой приток турецкой рабочей силы в ФРГ происходил в рамках официального соглашения, подписанного

обеими странами в 1961 г. При этом некоторые разновидности ислама, практикуемые турками на территории Германии, в самой Турции могут подвергаться осуждению или даже запрещению. На сегодняшний день Турция преподносит себя одновременно и как светское государство, где религия — ислам — отделена от государства, и как государство турецкого народа, объединенного турецким исламом, пользующимся поддержкой государства. На самом деле существуют исламистские и другие организации, выступающие против современного контроля государства над исламом. Как известно, в Турции также проживают алавиты, православные Антиохийской и Константинопольской автокефалии.

Самой заметной инициативой мусульман в Германии стало открытое появление движений и организаций, находящихся под сильным давлением со стороны государства или запрещенных в Турции. Такие организации, тарикаты как исламисты «Сулейманлы», националисты «Милли Герюш», нацисты «Серых Волков», а также алавиты и некоторые ордена дервишей смогли свободно проявлять себя в Германии²². Свободно могут действовать и этнические группы, в частности курды, хотя им запрещено создавать политические организации. В результате турецко-курдский конфликт в Восточной Турции повлиял на положение мусульманской общины в Германии и, возможно, на немецкую внутреннюю политику по отношению к переселенцам из Турции²³.

Согласно переписи 2009 г., в ФРГ проживает 2,5 млн турок. По данным посольства ФРГ в Великобритании, количество выходцев из Турции в стране составляет 3,5 миллиона. История турецкой диаспоры Германии насчитывает более 50 лет. Сейчас в Германии можно встретить семьи, где уже подрастает четвертое поколение выходцев из Турции. Можно выделить две волны турецкой миграции в Германию. Первая миграционная волна датируется 1960-ми гг. В 1961 г. в ФРГ безработными числились 94 856 чел., в то же время общее число вакантных мест составляло 572 758, что заставило немецкие власти искать рабочую силу.

Германия нуждалась в первую очередь в неквалифицированной рабочей силе. 30 октября 1961 г. ФРГ заключает с Турцией договор о посредничестве турецких рабочих. Предполагалось, что турецкие рабочие помогут в восстановлении экономики послевоенной Германии. Это соглашение было не менее выгодно для турецкой стороны, так как давало ей ряд преимуществ, а именно:

- снижение высокого уровня безработицы в самой Турции;
- стабильный приток иностранной валюты в виде денежных переводов от турецких рабочих в ФРГ;
- получение турецкими рабочими опыта и технических знаний, которые должны были им пригодиться в Турции;
- продвижение интересов Турции на пути к евроинтеграции.

Немецкие власти рассчитывали, что турецкие рабочие вернутся обратно на родину, однако многие турки предпочли остаться в Германии. Немецкое правительство предоставило им право на воссоединение с семьями в 1975 г. Это стало главной причиной второй волны турецкой иммиграции.

За свою 50-летнюю историю многие представители турецкой диаспоры Германии обзавелись собственностью, стали гражданами ФРГ и, что самое главное, идентифицируют себя как граждане ФРГ, получили хорошее образование. Выходцы из Турции внесли значительный вклад в экономику ФРГ. Сейчас в Германии действуют около 70 000 компаний, учрежденных турецкими бизнесменами, проживающими в Германии. Около 57.000 турок ведут собственное дело в 91-м секторе германской экономики.

Выходцы из Турции не только активно включены в экономическую жизнь Германии, но они также все активнее включаются в политическую и культурную жизнь страны. С каждым годом растет количество политиков турецкого происхождения. Примером может послужить лидер Партии Зеленых Джем Оздемир, член социал-демократической партии Вурал Огер, министр по делам семьи, женщин, социального развития и интеграции Нижней Саксонии Айгюль Озкан, депутаты от «левых» Хаккы Кескин, Хюсейн Кенан-Айдын, Хакан Таш, Севим Даделен. Политики турецкого происхождения отстаивают права своих соотечественников, выступают в поддержку полноправного членства Турции в ЕС, защищают интересы турецких бизнесменов. В культурной сфере также много деятелей турецкого происхождения. Например, режиссер, сценарист и актер Фатих Акын, писательница и актриса Эмине Севги Оздамар, журналист и писатель Эртугрул Озкок и другие.

Правительство Турции ведет активную политику по поддержанию связей со своими соотечественниками, проживающими в Германии. Начиная с 1970-х гг. Турецкая Республика реализует ряд проектов в культурной и образовательной сферах, тем самым оказывая помощь своим соотечественникам. Турция финансирует строительство мечетей, открытие школ, где преподавание ведется на турецком языке. Следует отметить, что Турция пошла навстречу своим соотечественникам, внося поправки в закон о гражданстве.

Турецкий закон о гражданстве предусматривает в случае запрета двойного гражданства в принимающей стране возможность выдачи так называемой «голубой карты». Она позволяет турецким мигрантам иметь равные права с гражданами Турции (ограничения касаются лишь приема на государственную службу), а также разрешает освобождение или альтернативный порядок прохождения военной службы для постоянно проживающих за рубежом турок.

Именно турецкие мусульманские организации в Германии известны высоким уровнем дисциплины и эффективностью. Недавно эти организации предприняли несколько шагов с

тем, чтобы обратиться к населению Германии и снабдить его информацией об исламе, а также организовали «дни открытых дверей» в мечетях для школьных экскурсий²⁴. Хотя большинство турецких иммигрантов, и конечно мусульман, остаются верны турецкому языку, растет число мусульман, пишущих об исламе на немецком языке. Это позволяет немецким читателям пренебречь языковым барьером; в то время, когда преподавание и обряды ислама велись только по-турецки, возникало серьезное недоверие к мусульманам.

Сущность проблем мусульманского населения ЕС, а также основные требования мусульман к европейским правительствам довольно хорошо иллюстрируют два документа, представленные ведущими мусульманскими организациями Германии и Франции:

– Хартия мусульманского вероисповедания во Франции от 10 декабря 1994 г., которая была подписана после продолжительных переговоров в 2000 г. французским правительством;

– Исламская хартия Центрального Совета мусульман в Германии от 20 февраля 2002 г.

Оба документа создавались для достижения общих целей. Во-первых, для выражения отношения мусульман, проживающих в данных странах, к европейской культуре, политической и правовой системе Франции и Германии соответственно. Во-вторых, для преодоления возникших барьеров между представителями разных культур и вероисповеданий и выработки неких общих принципов сосуществования мусульман с европейским большинством в указанных странах. Авторы хартий пытаются популярно изложить основы мусульманского вероучения таким образом, чтобы продемонстрировать европейцам общность христианства и ислама в их истории, подчеркнуть, что в исламе и христианстве признаются одни и те же пророки (за исключением только самого Мухаммеда), схожие заповеди. При этом документ, представленный французскими мусульманами, обильно цитирует Коран и Сунну, а именно те аяты и хадисы, в которых речь идет о веротерпимости, любви к ближнему и пророческой миссии Иисуса Христа.

Главным недостатком обеих хартий является тот факт, что и Представительный Совет мусульман Франции, и Центральный Совет мусульман в Германии (ЦСМГ) не объединили даже большинства мусульман, проживающих в этих странах. Так, Представительный Совет отражал в середине 1990-х гг. мнение лишь наиболее либеральной, европеизированной части мусульман, прежде всего выходцев из Северной Африки. ЦСМГ главным образом – это турецкая этническая община Германии, но лишь та ее часть, которая придерживается ортодоксального суннитского ислама, представленного в Турции Управлением по делам религии.

Несмотря на схожие задачи, стоявшие перед авторами хартий, содержание и методы решения проблем сосуществования с европейцами в обоих

документах довольно сильно разнятся. Хартия французских мусульман была подготовлена при непосредственном участии французского правительства. Министр внутренних дел Франции в то время Ш. Паскуа заметил, что не нашел во французской мусульманской среде подходящего для переговоров о будущем мусульман во Франции партнера²⁵. Тогда он решил создать его сам, подтолкнув, таким образом, Д. Бубакера, имама мечети Парижа, к подписанию данной хартии и организации Представительного Совета мусульман.

Эта организация должна была стать своеобразным рупором всех французских мусульман. Централизовав мусульманские общины Франции в лице этой организации, французское правительство рассчитывало начать более эффективно решать все вопросы, связанные с мусульманами, добиться «управляемости» над мусульманской общиной. Однако расчет оказался неверным, далеко не все мусульмане Франции поддержали инициативу Д. Бубакера и Ш. Паскуа²⁶. В итоге, как уже отмечалось, переговоры затянулись, и подобный Совет был создан только в конце 2002 г.

В целом предложенная Хартия находится в русле стратегии евроислама. В ней говорится, что «общественная сплоченность и национальное единство Франции основаны не на каком-либо этносе или религии, но на воле к совместному существованию и на общем согласии с принципами Декларации прав человека и гражданина, равно как и с республиканскими ценностями». Хартия не претендовала на какое-либо исключительное положение мусульман во французском обществе, не требовала непременно сохранения их идентичностей разного уровня. Но она непременно настаивала на возможности свободного исповедания своей веры в полном согласии с действующим французским законодательством, дальнейшем строительстве мечетей, мусульманских кладбищ, открытии частных мусульманских школ и религиозном обслуживании мусульман в армии, больницах и тюрьмах.

Принципиальным отличием немецкого документа является то, что немецкие мусульмане-турки настаивают на интеграции в немецкое общество при полном сохранении своей идентичности, более того, в нем прямо говорится о «необходимости образования в Европе собственной мусульманской идентичности». Исламская хартия ЦСМГ объявляет ислам «верой, этикой, социальным порядком и образом жизни», и все это немецкие мусульмане собираются сохранить в рамках своей «идентичности». В документе зафиксирован особый статус отношений мусульманина с немусульманами в немусульманском государстве, обязанности, которые должен выполнять мусульманин, находясь вне мира ислама. Такого рода положения германского документа вступают хотя и в косвенное, но противоречие с другими положениями, согласно которым представители ЦСМГ не стремятся к установлению теократического государства и привержены принципам

разделения властей и демократии. Иными словами, если исходить из того, что ислам не только вера, но и «социальный порядок и образ жизни», то при такой постановке вопроса объявленная ЦСМГ поддержка демократических ценностей и норм немецкой культуры кажется лукавством.

Важной особенностью Исламской хартии ЦСМГ является то, что данная хартия – инициатива самого ЦСМГ, созданная этой организацией не по «заказу» правительства ФРГ, а по собственному желанию. Германские власти с 2000 г. официально признали данную организацию религиозной общиной Германии. Именно с ЦСМГ как с представителем мусульман Германии немецкое правительство и пытается поддерживать все контакты, принимая во внимание то, что ей оказывается поддержка властными структурами Анкары.

Некоторые европейские исследователи оптимистично полагают, что принятые во Франции и Германии документы создают хороший базис для дальнейшего диалога между европейцами-христианами и мусульманами²⁷. Однако даже беглый их анализ позволяет сделать вывод: инициативы мусульман в современной Западной Европе, равно как и ответы европейских правительств, мало способствуют реальной «аккультурации» мусульман в Европейском союзе. Мусульманские организации (или организация), с которыми поддерживают контакты европейские правительства, не обладают нужным весом и влиянием в европейской мусульманской среде, а инициативы самих мусульман часто противоречивы и лишены единой стратегии отношения к европейской политической культуре.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам по проблемам «аккультурации» мусульман в государствах ЕС:

– во-первых, классическое мусульманское вероучение достаточно строго регламентирует как жизнь немусульманина в мусульманском государстве, так и образ поведения правового немусульманских территориях. Несмотря на существовавшие различия в правовых оценках, положение мусульманина в немусульманской стране в различных толкованиях ислама, общим положением считалось то, что нахождение мусульманина в немусульманских странах, при возможности покинуть ее, недопустимо или непоощряемо. Находясь на немусульманских территориях, мусульманин не сможет с точки зрения классического ислама вести праведный образ жизни, выполняя все предписания ислама в социальной, политической и правовой сферах. Вторая половина XX в. представила новый феномен, о котором классическая мусульманская юриспруденция не могла даже и помыслить – эмиграцию мусульман в страны Запада. Отсутствие в классическом мусульманском праве описания данного феномена делает возможным различные спекуляции современных политических и религиозных лидеров мусульманского мира по поводу явления миграции с мусульманского Востока в

■ Политология

христианский Запад. Так, изобретаются новые трактовки понятия «хиджра», определяющие ее как способ распространения ислама, будто бы предписанный Пророком;

– во-вторых, в современном мусульманском мире можно выделить три основных направления в исламе, каждой из которых является своеобразным ответом на вызовы современности: либеральное (или модернизаторское), радикальное (фундаменталистское) и традиционалистское (или консервативное). Указанные направления в полной мере представлены в современной Западной Европе. Религиозные организации мусульман, возникающие на территории стран ЕС, обычно имеют прочные контакты и связи с той или иной политической и экономической силой у себя на родине.

Однако особым явлением в современной Европе является концепция евроислама, пропагандируемая отдельными представителями французских и немецких мусульман. Концепция в целом попадает в русло первого из указанных, либерального направления, но фактически речь идет о создании новой религии, и именно поэтому евроислам не привлекает к себе в Европе большого числа последователей. Как и в мусульманском мире, в странах ЕС сегодня наиболее широко представлена третья модель развития современного ислама, однако в конкретных европейских условиях мусульмане заняты поиском новой идентичности.

Следование в русле ортодоксального ислама, причем в рамках практически любого из его основных течений, делает «аккультурацию» мусульман в Западной Европе невозможной. Избегая полемики об «отделимости» или «неотделимости» в исламе религии и политики, отметим, что и современный радикальный исламизм, да и традиционализм не предполагают возможности для мусульман стать европейцами до конца, если, конечно, они желают остаться мусульманами и не изменять своей вере.

Находясь в ситуации, когда старые «идентичности» более не удовлетворяют потребностям европейских мусульман, а предлагаемые новые отклоняются ими в силу названных факторов, многие мусульмане Европы часто превращаются в маргиналов, то есть людей, лишенных осознания собственной принадлежности к какой-либо большой этнической или конфессиональной группе. Вместе с тем представители мусульманских общин в отдельных европейских странах пытаются осуществлять шаги навстречу европейским правительствам. Часто их «инициативы» подталкиваются европейскими правительствами, которые пытаются сами сформировать, при отсутствии активности со стороны мусульман, представительские мусульманские институты.

Успешными, как правило, оказываются действия мусульман, направленные на открытие мечетей, создание мусульманских школ и просветительских организаций и т.п. Однако если речь заходит о подписании от лица всей мусульман-

ской общины данной страны какого-либо глобального документа, призванного официально зафиксировать отношения мусульманской общины с европейским государством, то такие и подобные инициативы часто заканчиваются неудачей.

«Аккультурация» при сохранении мусульманской идентичности у иммигрантов в государствах ЕС, на наш взгляд, невозможна. Поиск какой-либо новой идентичности специально для европейских мусульман вряд ли может увенчаться успехом даже в самой долгосрочной перспективе. Единственным фундаментом для «аккультурации» мусульман в европейских странах, причем в рамках модели ассимиляции, должна стать европейская политическая культура. Иными словами, необходимо четче сформулировать, прежде всего принципы и основы европейской идентичности, которую затем можно и нужно безбоязненно распространять на всех, кто хочет стать гражданином Европейского союза. При этом следует учитывать, что не все мусульмане воспримут новую европейскую идентичность и захотят в этом случае стать «европейцами». В любом случае проблемы аккультурации мусульман в странах Европейского союза могут ускорить осознание в Европе собственных европейских интересов, выступить катализатором развития Евросоюза как политической единицы и самостоятельного полюса на мировой арене.

Успех политического участия мусульманских общин в общественной жизни европейских государств зависит от множества факторов, главными из которых, пожалуй, являются социально-политический «климат» страны проживания и специфические характеристики самих общин, их способность создавать организации и группы влияния, находить общие интересы, преодолевая различия этнического и религиозного характера. Степень политического влияния мусульман, как уже отмечалось, во многом зависит от отношения европейских правительств к мусульманским общинам на своей территории, от выбранной стратегии взаимодействия с ними.

Следует сразу отметить, что главным инструментом влияния мусульман в Западной Европе являются иммигрантские организации, точное число которых трудно установить. При этом не все организации представляют собственно политические интересы мусульманских общин. Некоторые из них созданы с целью помочь вновь прибывшим иммигрантам адаптироваться в новых условиях, оказать им возможную материальную поддержку, другие выполняют функции своего рода клубов — мест общения и проведения досуга.

В таких странах, как Великобритания, Бельгия, Нидерланды, создание политических мусульманских организаций поддерживается правительствами. Эти страны стремятся таким образом привлечь мусульманское население к общественно-политической жизни и сделать их равными участниками политического процесса.

В Германии развитие мусульманских организаций часто имеет полустихийный характер, но иногда напоминает турецкий вариант концепции «управляемого хаоса». Какой-либо четко сформированной политики взаимоотношений с мусульманами в Германии пока не существует, поэтому диалог ведется с теми, кто стремится к нему, то есть с объединениями мусульман, которые возникли самостоятельно, без какого-либо вмешательства со стороны государства.

Первый шаг к политическому участию — натурализация. По подсчетам испанского исследователя Али Кеттани (Кордова), гражданство какой-либо из европейских стран приобрело около 40% мусульман, проживающих в государствах ЕС²⁸. Эта довольно существенная цифра заставляет признать мусульманские общины и их интересы новым фактором политического процесса в европейских странах. Однако степень влияния мусульманских общин на процесс принятия решений в европейских странах не стоит переоценивать. Во многих из них странах пока что мусульманским организациям очень трудно добиться собственного влияния в силу действующего законодательства.

В Германии, например, дело осложняется не только трудностями приобретения гражданства, но и проблемами признания организации «органом общественного права» (*Körperschaft des öffentlichen Rechts*). Чтобы приобрести данный статус, религиозная организация должна, например, доказать, что представляет большинство адептов данной религии и что ее деятельность никак не противоречит действующему законодательству. Если рассмотреть отношения немецкого правительства с тремя крупнейшими турецкими мусульманскими организациями в Германии, то можно быстро обнаружить, какому исламу отдается предпочтение. Речь идет о таких организациях, как Турецко-исламский союз по делам религии – DİTİB, Союз исламских культурных центров в Европе – İKZ и националистическая организация «Национальный взгляд в Европе» (*Avrupa Milli Görüş Teşkilâtı*).

Союз исламских культурных центров в Европе представляет суфийское турецкое братство Сулейманлы, политическими целями которого на территории Турции является возрождение традиционного суннитского ислама в рамках светского государства. Националистическая организация «Национальный взгляд в Европе» соблюдает на немецкой территории интересы исламистов Турции. Наконец, Турецко-исламский союз религиозных учреждений является своего рода филиалом турецкого Управления по делам религии, то есть представляет правящие круги Турции. Все три организации официально зарегистрированы в Германии, но наиболее активно германское правительство сотрудничает с Турецко-исламским союзом религиозных учреждений²⁹. Эта организация хотя и не ставит перед собой целей насильственного распространения ислама и поддерживает светский характер турецкого государства, но

обладает ярко выраженной националистической окраской. Лидеры этой организации выступают с идеями «тюркизации» ислама, поддерживают возрождение пантюркизма³⁰. Игнорирование этого факта немецким правительством в дальнейшем, при увеличении турецкой мусульманской общины, может привести и уже приводит к проявлениям турецкого национализма на немецкой территории.

Главной проблемой совместного участия мусульман в политическом процессе остается их этническая и религиозная разобщенность. Мусульманам ни в одной из европейских стран до сих пор не удалось создать ни одной организации, которая бы в действительности представляла интересы всех мусульман, проживающих в данном государстве ЕС. Так, в Бельгии в 1974 г. был принят закон, по которому ислам был признан пятой официальной религией наравне с католицизмом, протестантством, англиканством и иудаизмом. Закон предусматривал создание представительного комитета мусульманских общин при бельгийском правительстве, через который бы осуществлялось управление мусульманскими общинами и делами культа на территории Бельгии. Членам комитета и его председателю – верховному имаму – выплачиваются государственные зарплаты. Однако собственно бельгийские мусульмане так и не смогли собрать своих представителей для участия в деятельности комитета. Вместо этого как представительный орган всех мусульман Бельгии стал использоваться «Культурный исламский центр» (СІС), созданный еще в 1968 г. при открытии главной мечети в Брюсселе при непосредственном патронаже саудовского короля Фейсала. Кандидатура директора Центра (он же – верховный имам бельгийских мусульман) согласуется с такой организацией, как Лига исламского мира, одного из главных орудий распространения ваххабизма как государственной идеологии Саудовской Аравии³¹.

Особый вариант политического участия мусульман представляет Великобритания. Как утверждает Б. Тиби, «сегодня нет ни одного фундаменталистского движения в мире ислама, которое бы ни имело своего бюро в Лондоне»³². Так, штаб-квартира партии Тахрир или Исламской партии освобождения (Хизб ат-Тахрир аль-Ислами) сегодня находится именно там³³. Лидеры этой партии не скрывают: ее деятельность активизировалась при непосредственном патронаже Талибана. Они неоднократно делали заявления, что на территории Великобритании существуют центры подготовки и вербовки моджахедов для дальнейшей отправки в «горячие точки», в том числе в Афганистан, на Балканы и Северный Кавказ. Некоторые английские исследователи уверяют, что подобные партии и организации отвергнуты большинством мусульманского населения Европы³⁴.

Сам факт свободного функционирования подобных организаций на территории Западной Европы вызывает удивление. Фактически

■ Политология

Великобритания готова бороться с исламским экстремизмом и терроризмом везде, кроме своей территории. В этой связи еще более странными выглядят заявления лидера британских консерваторов Уильяма Хейга, сделанные, правда, в ходе предвыборной кампании в ноябре 2000 г. Он полагает, что религиозные организации должны играть еще большую роль в общественной жизни, и прежде всего в образовании³⁵.

По всей видимости, пока нельзя говорить об активном участии мусульман в процессе принятия политических решений в странах Западной Европы. Далеко не все из них – менее половины – обладают гражданством. Мусульманские организации, являющиеся главным рупором европейских мусульман, разобщены, им не удается четко сформулировать общие требования и проблемы. Некоторые экстремистские организации вообще отказываются от участия в общественной европейской жизни. Сам факт присутствия мусульман на европейской территории и непрерывающийся рост мусульманских общин вызывает проблемы политического характера. К ним относятся, например, демонстрации в поддержку «братьев по вере» в европейских столицах, перед посольствами США и Израиля.

На отношении европейских стран к конфликтам с участием мусульман, в которых нарушаются права человека (Чечня, Балканы), большее влияние оказывает приверженность европейских правительств принципам соблюдения прав человека и поддержке демократических ценностей, чем боязнь проявления экстремизма со стороны мусульманских общин на своей территории или

учет их интересов. Численность экстремистов-мусульман на территории Европы в настоящий момент невелика, а зависимость будущего мусульман в европейских государствах от деятельности национальных правительств значительна.

Гораздо более серьезные проблемы могут возникнуть в Западной Европе, если на ее территории не будет пресечена деятельность исламистских организаций. Не имея серьезной поддержки в среде европейских мусульман, они поддерживают самые активные контакты с международными исламистскими организациями, выступая и в роли поставщиков человеческих ресурсов, и как координационные и финансовые центры. Если в настоящее время они самостоятельно не могут угрожать безопасности в Европе, то уже на современном этапе они представляют серьезную угрозу для безопасности всего мира как звенья в цепи международных террористических организаций, как части экономических пирамид мусульманского типа, которые в долгосрочной перспективе способны через экономические рычаги начать воздействовать на политику.

Kasatkin P.I., Khrustalev I.M., Avatkov V.A. Integration, European Security and Soft Power of Migration.

Summary: *The article provides analysis of European security in the sphere of migration. It deals with the changes of the image of migration, of its role and positions. The special emphasis is made on the migration as a soft power.*

Ключевые слова

Евробезопасность, безопасность, миграция, иммиграция, эмиграция, ЕС, «мягкая сила».

Keywords

European security, security, migration, immigration, emigration, EU, «soft power».

Примечания

1. Турен А. Способны ли мы жить вместе? // Новая постиндустриальная волна на Западе / Под ред. Иноземцева. М., 1999. С. 484-485.
2. Залитайло И.В. Этносоциальные диаспоры и диаспоральные образования: сущность и структура // Электронное научное издание / Аналитика культурологии. 2006. С. 6.
3. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. М., 1990. С. 251.
4. См.: Этносоциальные проблемы города. М., 1986.
5. Котин И.Ю. Побег баньяна. Миграция населения из Индии и формирование «узлов» южноазиатской диаспоры / И.Ю. Котин. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. С. 164.
6. Anwar M. Muslims in Western Europe / M. Anwar // Muslims in Western Europe / Ed. By J. Nielsen. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1992. P.9.
7. Parekh B. Rethinking multiculturalism: Cultural diversity and political theory / B. Parekh. – London: Macmillan, 200. S. 303.
8. Pauly R. J. Islam in Europe: Integration or marginalization? / R.J. Pauly. – Aldershot.: Ashgate, 2004. S. 105.
9. Четверикова О.Н. Ислам в современной Европе: стратегия добровольного «гетто» против политики интеграции / О.Н. Четверикова // Россия в 21 в. 2005. №2. С. 79.
10. Siddiqui K. The Rushdie Affair and the Muslim Manifesto / K. Siddiqui – <http://www.islamicthouht.org/ks-bio-p4.html>
11. Navaz M. Evaluating Hizbut-Tahrir's Theo-political Stance / M. Navaz. – <http://maajidnawaz.blogspot.com/2007/08/evaluating-hizbut-tahrirs-theo.html>

12. Нечитайло Д.А. Ислам, политика, радикализм в Великобритании / Д.А. Нечитайло // Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. – <http://www.iimes.ru/rus/stat/2005/17-07-05.htm>
 13. Muslim Council of Britain – www.mcb.org.uk/library/statistics.php
 14. Не следует смешивать понятия «исламизм» (политический ислам) и «исламский фундаментализм». Исламский фундаментализм представляет собой религиозное течение, означающее строгое соблюдение изложенных в Коране и Сунне правил и норм в повседневной жизни и общественной практике. Исламизм, или политический ислам, есть в большей степени политическое явление. Оно отражает стремление определённой части мусульманского общества сохранить свои исторические традиции, религию, культуру, т.е. национальную идентичность в условиях глобализации. В то же время эти два явления, безусловно, взаимосвязаны.
 15. Roy O. The Failure of Political Islam. – Cambridge: Harvard University Press. 1996. P.30.
 16. Sayyid Abul A' la M. Political Theory of Islam // Modernist and Fundamentalist Debates in Islam / By ed. Moaddel, Mansoor and Kamran Talattof. 2000. P. 14.
 17. Понкин И.В. Ислам во Франции. М.: Издательство Учебно-научного центра довузовского образования, 2005. С. 87.
 18. Черноморский П. Тело Франции приросло мусульманами. – http://www.iicas.org/articles/anv_24_12_02.htm
 19. Islamische Zeitung. 2003. 13 Februar.
 20. Исламский Информационный портал со ссылкой на агентство Рейтер – http://www.islaminfo.ru/cgi-bin/news/news_d.php?id=771
 21. Там же.
 22. Sen F. Tuerken in der Bundesrepublik Deutschland: Leistungen, Probleme, Erwartungen // Beitrage zur Konfliktforschung. 1986. №3, S. 43-65.
 23. Groene M. Identitaetspolitiken und Konfliktwahrnehmungen alevitischer Kurden in Deutschland // Journal fuer Konflikt- und Gewaltforschung. 2001. №3. Heft 1. S. 70-84.
 24. Abdullah S.M. Muslims in Germany // Muslim Minorities in the West / Ed. by S. Z. Abedin, Z. Sardar. London, 1995. P. 37-51.
 25. Kepel G. Allah im Westen. S. 274.
 26. Dolle N. Qui representera les musulmans de France? // Le Monde Diplomatique. 2002. - № 1. P. 5.
 27. Graf P., Antes P. Strukturen des Dialogs mit Muslimen in Europa. Serie: Europäische Bildung im Dialog. Religion, Sprache, Identitaet. Bd 6. Frankfurt-am-Main, 1998. - S. 12-15.
 28. Ali Kettani M. Challenges to the Organization of Muslim Communities in Western Europe // Political Participation and Identities of Muslims in non-Muslim states / Ed. by W.A.R. Shadid and P.S. van Koningsveld. Kampen, 1996. P. 16.
 29. Amiraux V. Turkish Islam in Germany: Between Political Overdetermination and Cultural Affirmation // Political Participation and Identities of Muslims in non-Muslim states / Ed. by W.A.R. Shadid and P.S. van Koningsveld. Kampen, 1996. P. 40.
 30. Киреев Н.Г. К оценке религиозной ситуации в Турции в 90-е годы // Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и Центральной Азии). М., 2001. С. 159.
 31. Игнатенко А.А. Самоопределение исламского мира // Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и Центральной Азии). М., 2001. С. 12.
 32. Tibi B. Der Islam in Deutschland, Muslime in Deutschland. Stuttgart, 2000. S. 260.
 33. Игнатенко А.А. Халифы без халифата. М., 1988. С. 105.
 34. Anders A. Muslim Attitudes towards Political Activity in the United Kindom: A casy Study of Leicester // Political Participation and Identities of Muslims. P. 120.
 35. Hague Campaigns for Religious Vote // BBC. 2000. 1 November.
-